

Политика приоритизации местных практик в российском высшем образовании:

препятствие или помощь интернационализации?

Анн Виньо, А.А. Байков, Елена Калюжнова,
В.А. Гневашева

Статья поступила
в редакцию
в июле 2021 г.

Виньо Анн — кандидат политических наук, PhD, доцент МГИМО МИД России. Адрес: 119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: acrowleyvigneau@yahoo.fr

Байков Андрей Анатольевич — кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе, декан факультета международных отношений МГИМО МИД России. Адрес: 119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: baikov@mgimo.ru (контактное лицо для переписки)

Калюжнова Елена — профессор, PhD, заместитель декана Бизнес-школы Хенли Редингского университета (Великобритания). Адрес: Henley Business School, University of Reading, Whiteknights, Reading, RG6 6UD, United Kingdom. E-mail: y.kalyuzhnova@henley.ac.uk

Гневашева Вера Анатольевна — доктор экономических наук, профессор МГИМО МИД России. Адрес: 119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: Vera_cos@rambler.ru

Аннотация

В статье анализируются противоречия между задачами модернизации и предотвращения социальной дестабилизации в образовательной политике, выявляются сложности в процессе интернационализации вузов, а также возможности поддержки академической сферы национальными правительствами. На примере российской системы высшего образования авторы показали, что меры, принятые государством для обеспечения того, чтобы процессы интернационализации были выгодны российским вузам и стране в целом, имеют поразительное сходство с политикой приоритизации местных практик в других сферах. Проведенный в рамках исследования опрос свидетельствует о том, что признание целей интернационализации высшего образования сопровождается у российских ученых ожиданиями помощи вузам от государства в наращивании потенциала и в защите от отрицательных последствий активной интеграции в международное образовательное пространство. Выявлены преимущества и риски оказания помощи вузам и преподавательскому составу в переходе к международной конкуренции. Тщательно выверенная политика приоритизации местных практик способствует интернационализации высшего образования, поскольку позволяет снизить напряжение, возникающее при реализации программ проактивной интернационализации, и поддержать «зарождающуюся отрасль» в процессе перехода к конкуренции на международной арене.

Ключевые слова

идентичность, высшее образование, Россия, интернационализация, политика приоритизации местных практик.

Для цитирования: Виньо Анн, Байков А. А., Калюжнова Елена, Гневашева В. А. (2021) Политика приоритизации местных практик в российском высшем образовании: препятствие или помощь интернационализации? // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. № 4. С. 147–165. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-4-147-165>

Local Content Policies in the Russian Higher Education Sector: Harming or Aiding Internationalization?

Anne Crowley-Vigneau, A. A. Baykov, Yelena Kalyuzhnova, V. A. Gnevasheva

Anne Crowley-Vigneau, Candidate of Sciences in Political Sciences, PhD in Management, Associate Professor, MGIMO University. Address: 76 Vernadskogo Ave, 119454 Moscow. E-mail: acrowleyvigneau@yahoo.fr

Andrey A. Baykov, Candidate of Sciences in Political Sciences, Dean, School of International Relations, Vice Rector for Research Affairs, MGIMO University. Address: 76 Vernadskogo Ave, 119454 Moscow. E-mail: baykov@mgimo.ru (corresponding author)

Yelena Kalyuzhnova, Professor and Vice-Dean, Henley Business School, University of Reading, UK. Address: Henley Business School, University of Reading, Whiteknights, Reading, RG6 6UD, United Kingdom. E-mail: y.kalyuzhnova@henley.ac.uk

Vera A. Gnevasheva, Doctor of Economics, Professor, MGIMO University. Address: 76 Vernadskogo Ave, 119454 Moscow. E-mail: Vera_cos@rambler.ru

Abstract Tensions between modernization and stability in Russia have been widely analyzed in the economic and political spheres; yet in the higher education sector, studies have mainly focused on the dominant internationalization discourse and left the demand for support and stability in universities understudied. This paper analyzes the friction between modernization and stability in educational policies, identifying the difficulties experienced when internationalizing universities and the opportunities for national governments to support academics. Through a case study devoted to the Russian higher education sector, the authors establish that the rules adopted by the government to ensure that internationalization processes are beneficial to Russian universities and to the country as a whole bear a striking similarity with Local Content policies in other spheres. The survey of Russian academics conducted by the authors reveals that the large acceptance among them of internationalization of higher education is accompanied by expectations that the state will help with capacity building and protect them from the negative aspects of a rapid integration into the international educational space. An analysis of the findings points out the benefits and risks of helping universities and their staff in the transition to international competition. Adequately calibrated LC policies are shown to aid the internationalization of higher education as they help “rub the edges off” an intensive catch-up internationalization program and support what is a “fledgling industry” in its transition to international competition.

Keywords identity, higher education, Russia, internationalization, local content policy.

For citing Crowley-Vigneau A., Baykov A. A., Kalyuzhnova Ye., Gnevasheva V. A. (2021) Politika prioritizatsii mestnykh praktik v rossiyskom vysshem obrazovanii: prepyatstvie ili pomoshch' internatsionalizatsii? [Local Content Policies in the Russian Higher Education Sector: Harming or Aiding Internationalization?] *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 4, pp. 147–165. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-4-147-165>

Глобальная тенденция к интернационализации высшего образования продолжает укрепляться. При этом все чаще раздается критика качества образования, снижение которого связывают с влиянием неолиберальных ценностей и нового менеджизма [Crow, Dabars, 2020]. Внутри университетов озабоченность такого рода разделяют как исследователи, с трудом пытающиеся выполнять все возрастающие требования к публикационной продуктивности, так и преподаватели, выражающие сожаление по поводу чрезмерной стандартизации высшего образования [Gill, 2016]. Гражданское общество, со своей стороны, выступает против значительной финансовой поддержки, направляемой правительствами на проекты по повышению конкурентоспособности университетов на мировой арене, привлекая внимание к гуманитарным и социально-экономическим последствиям ориентации на глобальные приоритеты с точки зрения гармоничного развития локальных сообществ, для которых вузы зачастую выступают своего рода консолидирующим ядром [Gao, Li, 2020].

Отмеченные тенденции в сфере высшего образования имеют множество схожих черт с интернационализацией в других секторах экономики, форсированная либерализация которых нередко приводит к тому, что на внутреннем рынке по объемам производства и доходам начинают доминировать иностранные компании. В отношении таких секторов национальной экономики государства предпочитают разрабатывать специальные меры поддержки, именуемые политикой локализации, «местного содержания», или приоритизации местных практик (МП) [Kalyuzhnova et al., 2016]. Такие меры различаются по структуре, наполнению и срокам действия, но, как правило, включают требования к иностранным игрокам использовать при работе на национальном рынке товары или услуги местного производства, нанимать на работу местных специалистов, одновременно повышая их квалификацию в соответствии с передовым международным опытом [Kalyuzhnova, Belitski, 2019]. Цель политики МП — не оградить «навечно» свою промышленность от иностранной конкуренции, а повысить ее эвентуальную конкурентоспособность [Tordo et al., 2013].

В данной статье концепция политики МП применена к сектору высшего образования в попытке понять, каким образом

правительства реагируют на отрицательные последствия инициатив по интернационализации образовательных продуктов. Рассмотренная в этой оптике, национальная университетская система оказывается своего рода «зарождающейся отраслью», не готовой (пока?) к международной конкуренции, но имеющей большое стратегическое значение и потенциально высокий экспортный потенциал. Следовательно, чрезмерная либерализация может привести к деградации университетов и сложившихся вокруг них социальных экосистем. Мы полагаем, что меры, принимаемые национальными правительствами для предотвращения издержек интенсивных программ интернационализации, включая меры по контролю качества высшего образования, по решению проблем «утечки мозгов» и по борьбе с проявлениями социальной дестабилизации в университетской среде, вполне уместно могут быть концептуализированы и истолкованы в русле политики приоритизации местных практик. Такой подход, на наш взгляд, позволяет понять, зачем принимаются подобные меры и как повысить их эффективность.

В статье предпринята попытка определить, является ли политика МП сдерживающим фактором для процессов интернационализации или же она, напротив, поддерживает и стимулирует эти процессы, помогая адаптировать их к местному контексту. Результаты опроса 100 российских ученых из 81 университета показали, что, хотя императив интернационализации общепризнан российским научным сообществом, как и полезность оценки деятельности университетов на основе метрик международных рейтингов, среди ученых и преподавателей по-прежнему довольно высоки спрос на защитные меры со стороны государства и разработку способов развития контента (собственно содержательного и нормативно-организационного), транслируемых через систему высшего образования.

1. Теоретические основы политики МП и ее значение в сфере высшего образования

1.1. Политика приоритизации местных практик в научной литературе

Концепция политики МП в основном разрабатывалась применительно к сфере менеджмента, где акцент был сделан на ее использовании в отраслях с высокой добавленной стоимостью.

Определение политики МП как «многомерной и являющейся средством создания условий для развития экономической деятельности, сокращения технологического отставания, накопления человеческого капитала и поддержания спроса на местные товары, работы и услуги, а также связанной со структурой собственности и передачей прав собственности отечественным промышленным предприятиям или компаниям-лидерам» [Kalyuzhnova et al., 2016. Р. 3] отражает общее понимание политики МП как мер, разработанных государством для того, чтобы местное население в конечном счете получало больше выгод

от экономической деятельности, чем иностранные компании. Согласно этому определению, политика МП — это долгосрочная стратегия, имеющая целью со временем повысить значение местного населения и местных ресурсов в экономическом процессе. Таким образом, политику МП можно представить как стратегию по введению правил локализации с обязательной перспективой их последующей постепенной, детально планируемой отмены. Правительства, проводящие политику МП, используют целый ряд инструментов, включая предоставление приоритета местным работникам, преимущественное использование местных источников товаров и услуг, а также преференциальный правовой режим для местных компаний. Является ли политика МП необходимой, зависит от уровня развития страны и ее способности конкурировать на международном рынке, при этом развитые страны, по опыту, менее склонны разрабатывать политику МП в отношении каких бы то ни было отраслей.

Концепция «местного содержания» обычно ассоциируется с нефтегазовой отраслью и автомобилестроением, но может использоваться не только в этих областях, а гораздо шире. Исследования конкретных аспектов политики МП привели к дискуссиям о целесообразности разработки местных требований в отношении получения и использования иностранной помощи [Warner, 2017], возобновляемых видов энергии [Kuntze, Moerenhout, 2013] и в сфере здравоохранения [Hufbauer et al., 2013]. Многие авторы делают акцент на экономических и финансовых аспектах политики МП, однако в литературе убедительно показано, что приоритеты локализации, как правило, диктуются именно политическими, а не финансовыми причинами [Torro et al., 2013. P. xiii].

1.2. Местные практики в сфере высшего образования

Исторически больше всего примеров политики МП описано в горнодобывающей, автомобильной и фармацевтической отраслях. Между тем политика местных практик проводится в самых разных областях, и в частности в секторе высшего образования. Мы предлагаем адресное определение применительно к сфере высшего образования политики МП как *разработанных государством мер по обеспечению соответствия процессов интернационализации интересам национальной системы образования и безопасности страны в целом*. Политика МП в сфере высшего образования принципиально схожа с политикой МП в других сферах, поскольку она предоставляет привилегии отечественным участникам рынка [Ovadia, 2014], направлена на повышение ценности их продукции [Kalyuzhnova et al., 2016], стимулирует использование местных ресурсов на разных этапах цепочки создания стоимости [Sturgeon, van Biesebeek, 2009]

и рассматривается как средство укрепления внутренних факторов социально-экономического развития [Kalyuzhnova, Belitski, 2019].

Политика МП в высшем образовании отличается от аналогичной политики в других сферах тем, что она в большей степени сосредоточена на социальных вопросах и обеспечении безопасности и сравнительно меньше — на экономических интересах. Университеты, независимо от степени зрелости рыночных процессов в высшем образовании, все же сущностно отличаются от фирм, поскольку их миссия выходит за рамки извлечения коммерческой прибыли и прежде всего заключается в сертификации и трансляции знаний населению страны с целью повышения качества человеческого капитала как ведущего производительного ресурса [Locatelli, 2019].

В то время как в других отраслях меры по расширению местных практик часто декларируются открыто, в сфере высшего образования идея продвижения национального контента и иных местных практик, как правило, не получает четкого вербального или тем более нормативно-правового оформления, по крайней мере в документах, касающихся государственной политики в сфере высшего образования. Последнее справедливо и для кейса Российской Федерации. Причины этого, вероятно, состоят в том, что, во-первых, концепция политики МП никогда эксплицитно не применялась к анализу сферы высшего образования, а во-вторых, поскольку в международном образовательном дискурсе основное внимание уделяется преимуществам практически безграничной интернационализации третичного образования [Wit de, 2017], от явного артикулирования самой идеи преимущественного и поддерживаемого государством продвижения национального/локального контента в образовательной сфере ничего, кроме критики, ждать не приходится.

2. Контекст интернационализации российского высшего образования и принятые правительством меры приоритизации местных практик

2.1.

Контекст интернационализации российского высшего образования

Инициативы 1990-х и 2000-х годов по реформированию российского высшего образования заложили основу для более масштабных преобразований, расцвет которых пришелся на последующие десятилетия, а наиболее зримым результатом уже в 2010-х годах стал переход ряда вузов-лидеров к западной управленческой модели [Ятлук, 2020].

Важной вехой в развитии высшего образования в России стал запуск в 2012 г. Проекта «5-100» — государственной инициативы, не только ставившей своей целью форсированную интеграцию университетов в международную образовательную среду, но и воплощавшей новый кодекс ценностей успешного российского университета: приоритет оригинальных научных исследований, проактивная глобальная конкуренция для

привлечения талантливых студентов и преподавателей, стремление к внедрению лучших практик, принятие новой бизнес-модели университетов, ориентированной на учет мнений всех стейкхолдеров — как внутри вуза, так и в его социальном и корпоративно-индустриальном окружении. Так, если до 2010 г. государственные проекты — федеральные университеты, НИУ, мегагранты и т. д. — были направлены на стимулирование структурных реформ, поддержку национальной или региональной экономики, решение проблем внутренней миграции и занятости, то Проект «5-100» открыто прокламировал стремление к созданию конкурентоспособных университетов мирового класса, способных играть в первой лиге [Crowley-Vigneau et al., 2021].

Проект «5-100» опирался на опыт международных экспертов на каждом этапе своей эволюции, начиная с разработки при участии экспертов Всемирного банка Дж. Салми и Ф. Альтбаха и создания дорожных карт для университетов с привлечением международных консультантов и заканчивая оценкой эффективности деятельности вузов международной экспертной комиссией на основе международных рейтингов и таких критериев, как доля иностранных студентов и преподавателей. Проект «5-100» с самого начала усилил конкуренцию между российскими вузами и их стратификацию. Большинство участников проекта сумели упрочить свои позиции как в национальных, так и в международных рейтингах. Вузы, не отобранные в проект (или не вошедшие в него сознательно), либо внимательно следили за новыми тенденциями и с выгодой для себя использовали положительные экстерналии проекта (таких было меньшинство), либо скатились на маргинальные позиции, подтверждая тезис о негативно стратифицирующем эффекте «5-100» для сектора высшего образования России в целом [Crowley-Vigneau, Baykov, Kalyuzhnova, 2020].

2.2. Принятые правительством меры по расши- рению МП

В исследовательских работах, посвященных российской экономике и политике, раскрывается типическое противоречие между государственными амбициями в области модернизации и глобализации, с одной стороны, и имманентным охранительным мотивом, задачей поддержания общественной стабильности — с другой [Zweynert, Boldyrev, 2017]. В секторе высшего образования российское правительство также, с одной стороны, активно поощряет международную интеграцию учреждений высшего образования, с другой — разработало и имплементировало комплекс мер, направленных на управление рисками в связи с этой самой интеграцией. На основании анализа российских правовых актов и публикаций в СМИ, относящихся к периоду 2000–2020-х годов, выделяется широкий спектр мероприятий и инструментов, при помощи которых российское

Таблица 1. Научная литература, посвященная отдельным категориям политики МП в высшем образовании

Меры обеспечения МП в сфере высшего образования	Существующая литература
Меры по контролю качества высшего образования	Androushchak, Kuzminov, Yudkevich, 2013; Yudkevich, Altbach, Rumbley, 2015; Sterligov, Savina, 2016; Agasisti et al., 2018; Chirikov, 2021
Меры по предотвращению компрометации внутренней безопасности	Persson, 2021; Denisova-Schmidt, 2016
Меры противодействия «утечке мозгов»	Kniazev, 2002; Торкунов, 2017; Subbotin, Aref, 2021
Меры по поддержанию традиционных ценностей и предотвращению социальных волнений	Абрамов, Груздев, Терентьев, 2016; Oleksiyenko, 2021

правительство считает оправданным «контролировать ущерб» от интернационализации высшей школы, а также решать общественно-политические проблемы, связанные с транслированием нероссийского контента в программах высшего образования при выстраивании передовых нормативно-организационных практик международных научно-образовательных партнерств.

Трехступенчатый анализ собранного информационного массива с кодированием маркерных слов позволил выделить четыре основные темы, которые стали исходными классифицирующими категориями исследования. Каждая из них связана с решением одной конкретной задачи обеспечения широко понимаемой национальной безопасности: меры по контролю качества высшего образования, меры по предотвращению компрометации инфраструктуры внутренней безопасности, меры по решению проблемы «утечки мозгов» и меры по поддержанию традиционных российских ценностей и предотвращению социальных волнений. Как таковых научных публикаций по политике МП в высшем образовании нет, поскольку это новая сфера применения данной концепции, однако сущность отдельных категорий, ставших классифицирующими в данном исследовании, уже рассматривалась в нескольких работах (табл. 1).

3. Опрос представителей российских академических кругов: организация и результаты

3.1. Организация опроса

Целью исследования было выяснить, существует ли спрос на меры политики МП в российской высшей школе. Для того

чтобы выяснить отношение вузовских преподавателей и ученых к политике МП как инструменту продвижения и защиты российского содержания в сфере высшего образования, переживающей в настоящее время бурный процесс интеграции в глобальную образовательную среду, в 2020 г. проведен опрос представителей московских и региональных вузов. Выборку составили 100 экспертов, входящих в неформальную общероссийскую сеть ученых, которая занимается совместной разработкой исследовательских проектов в различных областях: преподаватели, доценты и профессора из 81 университета в 35 субъектах Российской Федерации. Участники опроса отбирались с таким расчетом, чтобы в выборку попали представители преподавательского состава из разных областей науки и на разных этапах своей карьеры. Полученные в результате опроса данные обработаны при помощи инструментов *R-Studio*.

Респонденты отвечали на пять вопросов закрытого типа (см. опросник в приложении 1). Вопрос № 1 нацелен на оценку восприятия респондентами уровня интернационализации российского высшего образования — их представлений о том, в какой степени российские университеты являются частью международной системы высшего образования. Второй и третий вопросы посвящены международным рейтингам: требуется ли, по мнению респондентов, зарубежная оценка для признания работы российских вузов эффективной и должны ли такие рейтинги официально использоваться государством для оценки деятельности вузов. Если во втором вопросе речь идет о достаточно неопределенном «образовательном статусе» и об использовании международных рейтингов в качестве общего ориентира, то третий вопрос предполагает конкретное суждение о том, должно ли российское государство опираться на международные рейтинги при определении эффективности работы вузов, что напрямую влияет на бюджетное финансирование университетов. Ответы на первые три вопроса отражают восприятие респондентами того, насколько российские вузы должны быть международно ориентированными, показывают их отношение к интернационализации и восприятие ее влияния на их профессию. Отвечая на четвертый вопрос, респонденты выражали свое мнение о том, должно ли государство создавать правила, гарантирующие, что результаты исследований российских ученых и накопленный опыт российского образования будут представлены в образовательных программах, чтобы избежать полной вестернизации содержания российского высшего образования. Пятый вопрос побуждает респондентов высказать свои суждения о том, должно ли государство защищать российское высшее образование от внешних влияний, таких как иностранное финансирование и контроль.

Рис. 1. Степень интеграции российских вузов в глобальную систему

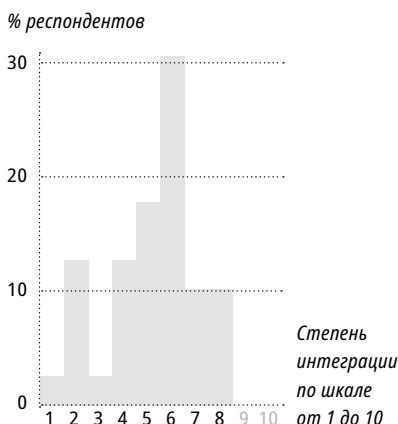
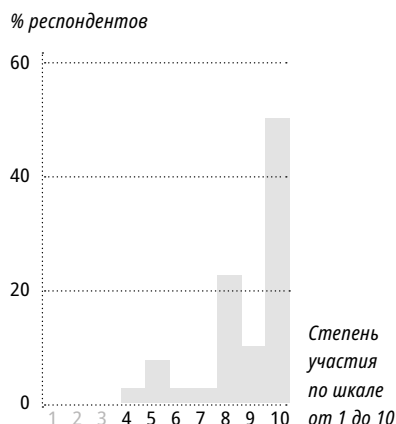

Рис. 2. Нужно ли российским вузам принимать участие в международных рейтингах для подтверждения своего образовательного статуса

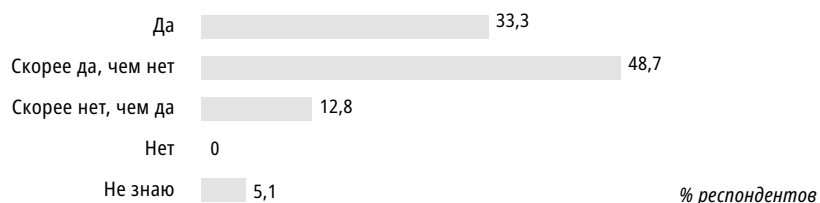
В зависимости от характера вопроса респонденты должны были либо оценить по шкале от 1 до 10 степень выраженности того или иного явления, либо выбрать один из пяти предложенных вариантов ответа.

3.2. Результаты опроса

Большинство респондентов воспринимают текущий уровень интеграции российских вузов в международную систему как средний, небольшая часть ответивших оценивает его как низкий (рис. 1). Никто из опрошенных не определил российский сектор высшего образования как полностью интегрированный в глобальную систему.

Респонденты считают, что российским университетам необходимо использовать международные рейтинги для оценки своей деятельности, при этом большинство ответов находятся в диапазоне от 8 до 10, а самые низкие оценки, соответствующие отказу от использования международных рейтингов, не были выбраны вообще (рис. 2). Тех, кто дал средние оценки (от 4 до 7), отражающие необходимость эпизодического, но не систематического использования международных рейтингов для подтверждения образовательного статуса университетов, немного. Признание международных рейтингов в академической среде может быть обусловлено отсутствием авторитетных российских рейтингов или реальным желанием респондентов видеть участие российских вузов в международной конкурентной среде и подтверждать их соответствие тем критериям, которые она выдвигает.

Рис. 3. Должно ли государство использовать международные рейтинги для оценки деятельности российских вузов

Более 80% респондентов полностью или частично согласны с тем, что российское государство должно использовать международные рейтинги для оценки деятельности российских вузов (рис. 3). При этом в выборке не нашлось ни одного респондента, который был бы категорически против участия российских вузов в международных рейтингах. В совокупности ответы на второй и третий вопросы отражают высокий уровень поддержки представителями академического сообщества государственной политики, направленной на повышение конкурентоспособности российских вузов на международной арене. Представители вузов в большинстве своем считают, что международные рейтинги являются важными ориентирами для российских вузов и как таковые должны использоваться государством для определения эффективности вузов и мониторинга их прогресса.

Подавляющее большинство респондентов считают, что государство должно на законодательном и нормативно-правовом уровне обеспечить использование результатов российских научных исследований и опыт российского образования в учебных программах (рис. 4). Представители педагогического сообщества убеждены, что государство обязано защищать российское содержание высшего образования, причем почти половина опрошенных считают, что такая поддержка должна оказываться независимо от того, являются ли российские ученые и их идеи конкурентоспособными, а 38,5% отметили, что поддержка должна оказываться только при условии их конкурентоспособности. Эти ответы можно объяснить потребностью видеть российское содержание (идеи, авторов) в российских образовательных программах и желанием оказать поддержку российским ученым, необходимую для того, чтобы стать конкурентоспособными на международном уровне.

Таким образом, большинство ученых считают ключевым вопросом в принятии международной интеграции поддержку государства — чтобы российские ученые, их принципы и идеи полу-

Рис. 4. В какой степени государство должно законодательно и нормативно поддерживать использование академических и научных достижений России в системе российского образования?

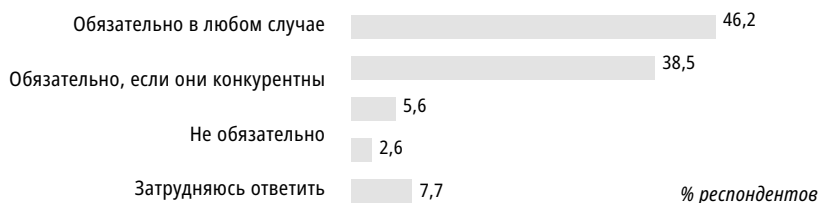
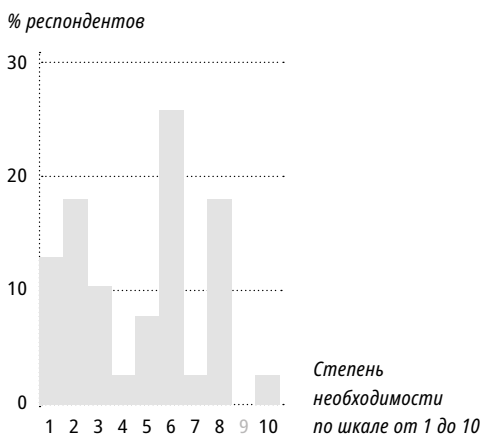

Рис. 5. Насколько необходимо на законодательном и нормативно-правовом уровне защищать российское образовательное пространство от международного влияния?

чили «шанс на борьбу» в новой конкурентной среде. Результаты опроса отражают явную потребность в защите российского содержания и проведении государством политики МП. На практике это означает, что государство должно отдавать приоритет российскому содержанию и российским ученым при реализации тех или иных проектов и при разработке образовательных программ не потому, что они более конкурентоспособны, а потому, что необходимо поддерживать национальную систему образования.

По поводу того, должно ли государство защищать российский сектор высшего образования от международного влияния, консенсуса среди представителей вузов обнаружить не удалось (рис. 5). В составе выборки можно выделить две статистически

значимые и полярные группы респондентов: одни считают, что российский сектор высшего образования нуждается в защите, а другие уверены, что такая защита ему не требуется. Половина респондентов считают, что существует международная угроза российскому сектору высшего образования, требующая вмешательства государства.

На основании полученных данных можно сделать два вывода. Среди респондентов наблюдается общее понимание того, что участие российских вузов в международном образовательном пространстве необходимо и что успех этого участия должен оцениваться через систему международных рейтингов. Кроме того, есть свидетельства общих ожиданий поддержки и, в некоторой степени, защиты государством российского высшего образования. Результаты опроса отражают факт принятия вузами политики интернационализации российского высшего образования, при этом существует значительный спрос на разработку политики МП, направленной на продвижение российского научно-образовательного контента и — в меньшей степени — на защиту российского высшего образования от необоснованного иностранного вмешательства.

**4. Политика МП
как помощь
системе
высшего
образования
в адаптации
к между-
народной
конкуренции**

Анализ текущей российской политики по расширению местных практик в сфере высшего образования и результатов опроса представителей научно-преподавательского состава о необходимости политики МП позволяет предположить, что интернационализация и политика МП могут гармонично сосуществовать и даже способствовать активному процессу интеграции вузов в международное пространство. Во-первых, потому что де-факто существующие меры МП не стали препятствием к реализации Проекта «5-100», а во-вторых, потому что успешная интернационализация не устранила спрос на политику МП, о чем свидетельствуют результаты исследования.

Влияние мер МП на интернационализацию зависит от их структуры и содержания. Поскольку в настоящее время акцент делается на интернационализации университетов, политика МП в секторе высшего образования в России не призвана ограничивать количество иностранцев. Напротив, в Россию привлекаются международные специалисты для обмена передовым опытом и помощи российским университетам в обретении конкурентоспособности в глобальном масштабе. Вместе с тем политика МП постоянно совершенствуется правительством с учетом нескольких целей: защитить страну от угроз ее безопасности и от раскрытия конфиденциальной информации, сдержать отток за рубеж квалифицированных ученых, обеспечить эффективность системы высшего образования и ее адаптацию к местным по-

требностям и ценностям. Хотя конкретные меры МП в сфере высшего образования могут отличаться от других отраслей, они используются по схожим причинам: чтобы защитить регион или страну от чрезмерного иностранного вмешательства и обеспечить плавный переход к условиям международной конкуренции.

Российская система высшего образования представляется «зарождающейся отраслью», которая нуждается в государственной поддержке. Политика МП позволяет системе образования заручиться дополнительным временем для достижения зрелости: темп и глубина реализации Проекта «5-100» очевидно сдерживаются рядом мер, внедрение которых было напрямую направлено на поддержание социальной стабильности. В этом смысле политика МП подается и воспринимается в качестве эффективного способа защиты страны от некоторых последствий интенсивной программы «наверстывающей» интернационализации. Хотя политика МП часто рассчитана на ограниченный период, Россия пока не начала отказываться от этих мер.

Политику МП часто расценивают как протекционистскую и критикуют за то, что она препятствует интернационализации [Warner, 2017]. Между тем меры приоритизации местных практик в сфере высшего образования чаще, наоборот, применяются в странах, принявших амбициозные государственные программы по ликвидации отставания в интернационализации высшего образования и по радикальному повышению глобальной конкурентоспособности университетов (среди них Китай, Тайвань, Южная Корея, Россия). Так, например, меры, которые можно отнести к политике МП в высшем образовании, документально зафиксированы на Тайване [Lo, Hou, 2020] и в Китае [Lin, Wang, 2021; Wei, Johnstone, 2020]. Их первоочередными задачами является повышение качества обучения, а не конкурентоспособности вузов, социальная ответственность перед региональной экономикой и сохранение национальных ценностей. Можно было бы предполагать, что политика МП с наибольшей вероятностью должна разрабатываться в странах, где наиболее остро проявляется сопротивление интернационализации и где интеграция в глобальную среду рассматривается как нежелательная вестернизация [Jiang et al., 2018]. Вместе с тем описанные в цитируемой литературе меры МП направлены как раз на преодоление сопротивления вектору интернационализации через адаптацию к местной нормативной культуре и нивелирование его негативных социально-экономических эффектов, а не на отмену интернационализации высшего образования как таковой. Релевантность этой же логики была подтверждена в данной работе и на примере России.

В то время как российский Проект «5-100» завершается, запуск новой амбициозной инициативы «Приоритет 2030» дает

возможность постулировать, что российское правительство намерено сохранить курс на активную интернационализацию высшего образования и поддержать его глобальные конкурентные позиции, одновременно планируя включить в состав нового проекта типологически относящиеся к мерам политики МП элементы, связанные с решением проблем, беспокоящих по поводу которых высказывают российские ученые. «Приоритет 2030» имеет много общих черт с Проектом «5-100» (приложение 2): в обеих программах вузы для участия отбираются на конкурсной основе, в обеих программах акцент сделан на продвижение научных исследований и государственное финансирование. Однако «Приоритет 2030» рассчитан на поддержку большего числа вузов, стимулирование межвузовского сотрудничества путем создания консорциумов университетов, содействие развитию российских регионов и местной экономики, достижение национальных целей развития, а не просто продвижение вузов в международных рейтингах. У проектов общая конечная цель — интернационализация и глобальная конкурентоспособность, при этом второй проект направлен на более равномерное развитие регионов за счет более широкого охвата (100 вузов-участников по сравнению с 21 в Проекте «5-100») и ориентирован на национальные цели. В определенной степени это ответ на требования представителей вузов поддержать рост менее конкурентоспособных университетов и оградить сотрудников вузов от чрезмерной конкуренции.

Приложение 1 Вопросы, предложенные участникам опроса

- B1: Укажите степень интеграции российского высшего образования в глобальную систему.
 B2: Нужно ли российским университетам принимать участие в международных рейтингах для подтверждения своего образовательного статуса?
 B3: Должно ли государство использовать международные рейтинги для оценки деятельности российских вузов?
 B4: В какой степени государство должно законодательно и нормативно поддерживать использование академических и научных достижений России в системе российского образования?
 B5: Насколько необходимо на законодательном и нормативно-правовом уровне защищать российское образовательное пространство от международного влияния?

Приложение 2 Сравнение характеристик проекта «5-100» и программы «Приоритет 2030»

	Проект «5-100»	«Приоритет 2030»
Участники программы	Отдельные вузы	Консорциумы вузов
Охват	Ограниченный (21 вуз)	Более широкий (100 вузов)
Способ отбора	Конкурс	Конкурс

	Проект «5-100»	«Приоритет 2030»
Основная цель	Конкурентоспособность вузов на международной арене	Вклад в достижение национальных целей развития / развитие регионов России
Основные показатели	Продвижение в международных рейтингах	Достижение национальных целей
Финансирование	Государственное (минимум 20% софинансирования со стороны вуза)	Государственное (объем софинансирования определяется правительством в каждом отдельном случае)
Ключевые аспекты	Развитие исследовательской деятельности на базе вузов, развитие международных публикаций	Развитие исследовательской деятельности на базе вузов и повышение качества образования
Резюме	Международная цель, международные принципы	Международная цель, приоритет национальных целей

Литература

1. Абрамов Р., Груздев И., Терентьев Е. (2016) Тревога и энтузиазм в дискурсах об академическом мире: международный и российский контексты // Новое литературное обозрение. № 2. С. 16–32.
2. Торкунов А. В. (2017) Российские вузы в процессе интернационализации. Вызовы и приоритеты // Международные процессы. Т. 15. № 1 (48). С. 6–12.
3. Ятлук Л. Ю. (2020) Стратегии и тактики адаптации ученых в условиях перехода к предпринимательскому университету // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. № 4. С. 165–192. doi:10.17323/1814-9545-2020-4-165-192
4. Agasisti T., Shibanova E., Platonova D., Lisyutkin M. (2018) The Russian Excellence Initiative for Higher Education: An Econometric Evaluation of Short-Term Results. Higher School of Economics Working Papers No WP BRP 201/EC/2018. Moscow: HSE.
5. Androushchak G., Kuzminov Y., Yudkevich M. (2013) Changing Realities: Russian Higher Education and the Academic Profession // P. Altbach, G. Androushchak, Y. Kuzminov, M. Yudkevich, L. Reisberg (eds) The Global Future of Higher Education and the Academic Profession. The BRICs and the United States. London: Palgrave Macmillan. P. 56–92.
6. Chirikov I. (2021) Does Conflict of Interest Distort Global University Rankings? Research and Occasional Papers Series no qt8hk672nh. Berkeley: Center for Studies in Higher Education.
7. Crow M. M., Dabars W. B. (2020) The Fifth Wave: The Evolution of American Higher Education. Baltimore: Johns Hopkins University.
8. Crowley-Vigneau A., Baykov A., Kalyuzhnova Y. (2020) Implementation of International Norms in Russia: The Case of Higher Education // Vysshee Obrazovanie v Rossii / Higher Education in Russia. Vol. 29. No 8–9. P. 39–54.
9. Crowley-Vigneau A., Istomin I. A., Baykov A. A., Kalyuzhnova Y. (2021) Transnational Policy Networks and Change through Internationalization (The Record of Project 5-100) // Polis: Journal of Political Studies. No 5. P. 8–24. doi:10.17976/jpps/2021.05.02
10. Denisova-Schmidt E. (2016) Corruption in Russian Higher Education // Russian Analytical Digest. No 191. P. 5–9.

11. De Wit H. (2017) Global: Internationalization of Higher Education: Nine Misconceptions // G. Mihut, Ph. G. Altbach, H. de Wit (eds) Understanding Higher Education Internationalization. Rotterdam: Sense. P. 9–12. doi:10.1007/978-94-6351-161-2
12. Gill R. (2016) Breaking the Silence: The Hidden Injuries of Neo-Liberal Academia // *Feministische Studien*. Vol. 34. No 1. P. 39–55. doi:10.1515/fs-2016-0105
13. Gao J., Li C. (2020) Version 2.0 of Building World-Class Universities in China: Initial Outcomes and Problems of the Double World-Class Project // *Higher Education Policy*. November. P. 1–17. doi:10.1057/s41307-020-00211-z
14. Hufbauer G., Schott J.J., Wada E., Cimino C., Veiroad M. (2013) Local Content Requirements: A Global Problem. Washington: Peterson Institute for International Economics.
15. Kalyuzhnova Y., Belitski M. (2019) The Impact of Corruption and Local Content Policy on Firm Performance: Evidence from Kazakhstan // *Resources Policy*. Vol. 61. No 1. P. 67–76. doi:10.1016/j.resourpol.2019.01.016
16. Kalyuzhnova Y., Nygaard C. A., Omarov Y., Saparbayev A. (2016) Local Content Policies in Resource-rich Countries. London: Palgrave Macmillan.
17. Kniazhev E. (2002) Coping with the New Challenges in Managing a Russian University // *Higher Education Management and Policy*. Vol. 14. No 1. P. 109–126. doi:10.1787/hemp-v14-art5-en
18. Kuntze J. C., Moerenhout T. (2013) Local Content Requirements and the Renewable Energy Industry—A Good Match? Geneva: International Centre for Trade and Sustainable Development.
19. Lin L., Wang S. (2021) China's Higher Education Policy Change from 211 Project and 985 Project to the Double-first-class Plan: Applying Kingdon's Multiple Streams Framework // *Higher Education Policy*. P. 1–25. Pub. Date: 2021-04–25. doi:10.1057/s41307-021-00234-0
20. Lo W.Y.W., Hou A.Y.-C. (2019) A Farewell to Internationalisation? Striking a Balance between Global Ambition and Local Needs in Higher Education in Taiwan // *Higher Education*. Vol. 80. No 5. P. 1–14. doi:10.1007/s10734-019-00495-0
21. Locatelli R. (2019) Education: A Private or Public Good? // R. Locatelli. Reframing Education as a Public and Common Good. Cham: Palgrave Macmillan. P. 33–50.
22. Oleksiyenko A. V. (2021) World-Class Universities and the Soviet Legacies of Administration: Integrity Dilemmas in Russian Higher Education // *Higher Education Quarterly*. Pub. Date: 2021–03–04. doi:10.1111/hequ.12306
23. Ovadia J. S. (2014) Local Content and Natural Resource Governance: The Cases of Angola and Nigeria // *The Extractive Industries and Society*. Vol. 1. No 2. P. 137–146.
24. Persson G. (2021) On War and Peace: Russian Security Policy and Military-Strategic Thinking // S. Rosefielde (ed.) Putin's Russia: Economy, Defence and Foreign Policy. P. 347–377.
25. Sterligov I., Savina T. (2016) Riding with the Metric Tide: «Predatory» Journals in Scopus // *Higher Education in Russia and Beyond*. Vol. 1. No 7. P. 9–12.
26. Sturgeon T. J., van Biesebroeck J. (2009) Crisis and Protection in the Automotive Industry: A Global Value Chain Perspective. The World Bank Policy Research Working Paper No 5060. Washington, DC: The World Bank.
27. Subbotin A., Aref S. (2021) Brain Drain and Brain Gain in Russia: Analyzing International Migration of Researchers by Discipline Using SCOPUS Bibliometric Data 1996–2020. arXiv:2008.03129v3
28. Tordo S., Warner M., Manzano O. E., Anouti Y. (2013) Local Content Policies in the Oil and Gas Sector. Washington, DC: The World Bank.
29. Warner M. (2017) Local Content in Procurement: Creating Local Jobs and Competitive Domestic Industries in Supply Chains. London: Routledge.

30. Wei Y., Johnstone C. (2020) Examining the Race for World-Class Universities in China: A Culture Script Analysis // *Higher Education*. Vol. 79. No 3. P. 553–567. doi:10.1007/s10734-019-00423-2
31. Yudkevich M., Altbach P. G., Rumbley L. E. (2015) Global University Rankings: The «Olympic Games» of Higher Education? // *Prospects*. Vol. 45. No 4. P. 411–419.
32. Zweynert J., Boldyrev I. (2017) Conflicting Patterns of Thought in the Russian Debate on Modernisation and Innovation 2008–2013 // *Europe-Asia Studies*. Vol. 69. No 6. P. 921–939. doi:10.1080/09668136.2017.1356911

References

- Abramov K., Gruzdev I., Terentiev E. (2016) Trevoga i entuziazm v diskursakh ob akademicheskom mire: mezhdunarodny i rossiyskiy konteksty [Fear and Enthusiasm in Discourses about the Academic World: International and Russian Contexts]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no 2, pp. 16–32.
- Agasisti T., Shibanova E., Platonova D., Lisutkin M. (2018) *The Russian Excellence Initiative for Higher Education: An Econometric Evaluation of Short-Term Results. Higher School of Economics Working Papers no WP BRP 201/EC/2018*. Moscow: HSE.
- Androushchak G., Kuzminov Y., Yudkevich M. (2013) Changing Realities: Russian Higher Education and the Academic Profession. *The Global Future of Higher Education and the Academic Profession. The BRICs and the United States* (eds P. Altbach, G. Androushchak, Y. Kuzminov, M. Yudkevich, L. Reisberg), London: Palgrave Macmillan, pp. 56–92.
- Chirikov I. (2021) *Does Conflict of Interest Distort Global University Rankings? Research and Occasional Papers Series no qt8hk672nh*. Berkeley: Center for Studies in Higher Education.
- Crow M. M., Dabars W. B. (2020) *The Fifth Wave: The Evolution of American Higher Education*. Baltimore: Johns Hopkins University.
- Crowley-Vigneau A., Baykov A., Kalyuzhnova Y. (2020) Implementation of International Norms in Russia: The Case of Higher Education. *Vysshee Obrazovanie v Rossii / Higher Education in Russia*, vol. 29, no 8–9, pp. 39–54.
- Crowley-Vigneau A., Istomin I. A., Baykov A. A., Kalyuzhnova Y. (2021) Transnational Policy Networks and Change through Internationalization (The Record of Project 5-100). *Polis: Journal of Political Studies*, no 5, pp. 8–24. doi:10.17976/jpps/2021.05.02
- Denisova-Schmidt E. (2016) Corruption in Russian Higher Education. *Russian Analytical Digest*, no 191, pp. 5–9.
- De Wit H. (2017) Global: Internationalization of Higher Education: Nine Misconceptions. *Understanding Higher Education Internationalization* (eds G. Mihut, Ph. G. Altbach, H. de Wit), Rotterdam: Sense, pp. 9–12. doi:10.1007/978-94-6351-161-2
- Gill R. (2016) Breaking the Silence: The Hidden Injuries of Neo-Liberal Academia. *Feministische Studien*, vol. 34, no 1, pp. 39–55. doi:10.1515/fs-2016-0105
- Gao J., Li C. (2020) Version 2.0 of Building World-Class Universities in China: Initial Outcomes and Problems of the Double World-Class Project. *Higher Education Policy*, November, pp. 1–17. doi:10.1057/s41307-020-00211-z
- Hufbauer G., Schott J. J., Wada E., Cimino C., Veiroid M. (2013) *Local Content Requirements: A Global Problem*. Washington: Peterson Institute for International Economics.
- Kalyuzhnova Y., Belitski M. (2019) The Impact of Corruption and Local Content Policy on Firm Performance: Evidence from Kazakhstan. *Resources Policy*, vol. 61, no 1, pp. 67–76. doi:10.1016/j.resourpol.2019.01.016
- Kalyuzhnova Y., Nygaard C. A., Omarov Y., Saparbayev A. (2016) *Local Content Policies in Resource-rich Countries*. London: Palgrave Macmillan.

- Kniazev E. (2002) Coping with the New Challenges in Managing a Russian University. *Higher Education Management and Policy*, vol. 14, no 1, pp. 109–126. doi:10.1787/hemp-v14-art5-en
- Kuntze J. C., Moerenhout T. (2013) *Local Content Requirements and the Renewable Energy Industry — A Good Match?* Geneva: International Centre for Trade and Sustainable Development.
- Lin L., Wang S. (2021) China's Higher Education Policy Change from 211 Project and 985 Project to the Double-first-class Plan: Applying Kingdon's Multiple Streams Framework. *Higher Education Policy*, April, pp. 1–25. Pub. Date: 2021–04–25. doi:10.1057/s41307-021-00234-0
- Lo W. Y. W., Hou A. Y.-C. (2019) A Farewell to Internationalisation? Striking a Balance between Global Ambition and Local Needs in Higher Education in Taiwan. *Higher Education*, vol. 80, no 5, pp. 1–14. doi:10.1007/s10734-019-00495-0
- Locatelli R. (2019) Education: A Private or Public Good? *Reframing Education as a Public and Common Good* (R. Locatelli), Cham: Palgrave Macmillan, pp. 33–50.
- Oleksiyenko A. V. (2021) World-Class Universities and the Soviet Legacies of Administration: Integrity Dilemmas in Russian Higher Education. *Higher Education Quarterly*. Pub. Date: 2021–03–04. doi:10.1111/hequ.12306
- Ovadia J. S. (2014) Local Content and Natural Resource Governance: The Cases of Angola and Nigeria. *The Extractive Industries and Society*, vol. 1, no 2, pp. 137–146.
- Persson G. (2021) On War and Peace: Russian Security Policy and Military-Strategic Thinking. *Putin's Russia: Economy, Defence and Foreign Policy* (ed. S. Rosefielde), pp. 347–377.
- Sterligov I., Savina T. (2016) Riding with the Metric Tide: “Predatory” Journals in Scopus. *Higher Education in Russia and Beyond*, vol. 1, no 7, pp. 9–12.
- Sturgeon T. J., van Biesebroeck J. (2009) *Crisis and Protection in the Automotive Industry: A Global Value Chain Perspective*. *The World Bank Policy Research Working Paper no 5060*. Washington, DC: The World Bank.
- Subbotin A., Aref S. (2021) *Brain Drain and Brain Gain in Russia: Analyzing International Migration of Researchers by Discipline Using SCOPUS Bibliometric Data 1996–2020*. arXiv:2008.03129v3
- Tordo S., Warner M., Manzano O. E., Anouti Y. (2013) *Local Content Policies in the Oil and Gas Sector*. Washington, DC: The World Bank.
- Torkunov A. (2017) Rossijskie vuzy v processe internatsionalizatsii. Vyzovy i priority [Russian Universities in the Process of Internationalization. Challenges and Priorities]. *Mezhdunarodnye processy*, vol. 15, no 1 (48), pp. 6–12.
- Warner M. (2017) *Local Content in Procurement: Creating Local Jobs and Competitive Domestic Industries in Supply Chains*. London: Routledge.
- Wei Y., Johnstone C. (2020) Examining the Race for World-Class Universities in China: A Culture Script Analysis. *Higher Education*, vol. 79, no 3, pp. 553–567. doi:10.1007/s10734-019-00423-2
- Yatluk L. (2020) Strategii i taktiki adaptatsii uchenykh v usloviyakh perekhoda k predprinimatel'skomu universitetu [Strategies and Tactics of Academics in the Context of Transition toward the Entrepreneurial University]. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 4, pp. 165–192. doi:10.17323/1814-9545-2020-4-165-192
- Yudkevich M., Altbach P. G., Rumbley L. E. (2015) Global University Rankings: The “Olympic Games” of Higher Education? *Prospects*, vol. 45, no 4, pp. 411–419.
- Zweynert J., Boldyrev I. (2017) Conflicting Patterns of Thought in the Russian Debate on Modernisation and Innovation 2008–2013. *Europe-Asia Studies*, vol. 69, no 6, pp. 921–939. doi:10.1080/09668136.2017.1356911